

АНДРЕЙ ФУРСОВ

“ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ ПО КРАЮ”

Февральский переворот в русской и мировой истории

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
[...]
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож.*

М. Ю. Лермонтов

Часть первая

Россия и Европа на пути к 1914 году

Неславный юбилей

В этом году исполняется 100 лет со дня события, которое одни называли Февральским переворотом, другие – буржуазной революцией. Одни видели в данном событии “весну демократии”, другие – катастрофу. В любом случае, именно крушение самодержавия, произошедшее в форме безвольного отречения от престола безвольного и бесталанного царя, открыло “кладёзь бездны”, захлопнуть которую было суждено тем, кто против своей воли превратился из интернационал-социалистов, земшарников в государственников. Речь, понятно, о большевиках.

Всё многообразие точек зрения по поводу Февральского переворота на то, что к нему привело, что (и почему) за ним последовало, можно свести к двум базовым подходам.

Согласно одному из них, в позднесамодержавной России, то есть в России конца XIX – начала XX века, всё было не так плохо. XIX век был успешным веком России (“и хруст французской булки”, правда, не для всех), развивался капитализм, ещё чуть-чуть – и Россия стала бы подлинно великой капиталистической державой, но всё испортили большевики, низвергнувшие её в Тартар истории, в “тоталитаризм-коммунизм”, в Гулагию и т. д., и т. п.

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа; директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; автор более 400 публикаций, включая 11 монографий.

Здесь необходимо сразу же сделать два замечания. Во-первых, в катастрофу Россию, свергнув самодержавие, толкнули либералы-февралисты и их англо-французские поделщики (они же — кураторы). Во-вторых, мнение о том, что при спокойном развитии в течение лет эдак двадцати России было суждено великое буржуазно-либеральное будущее вкупе с экономическим процветанием и геополитической мощью, чаще всего навеяно знаменитым тезисом классово весьма близкого нынешнему правящему слою РФ П. А. Столыпина о значении двадцати спокойных лет для России. Предполагается, что в этом случае успех его реформам и их блестящим результатам был бы гарантирован. На самом деле, по иронии истории именно Столыпин, несмотря на провал реформы, ускорил ею революцию в России. А вот если бы реформа не провалилась, то революцию Россия получила бы уже году в 1912-м, самое позднее — в 1913-м, и “мощный человек” Лермонтова с булатным ножом явился бы на пять лет раньше. Однако сторонники схемы “блестящая Россия конца XIX — начала XX века” (“Россия, которую мы потеряли”) всего этого видеть не желают.

Но есть и другая точка зрения, другой подход: конец самодержавия был вполне логичным и закономерным финалом, развязкой нараставшего в течение нескольких десятилетий и ускорившегося с начала XX века кризиса. Строй стремительно загнивал, а его руководители и охранители оказались совершенно неадекватны наступающей эпохе. XIX век, согласно этой точке зрения, был почти катастрофическим для России, и уже в первые годы века XX Россия была на грани катастрофы. Вот как писал об этом блестящий русский публицист М. О. Меньшиков: “Девятнадцатый век окончательно утвердил наш духовный плен у Европы; народно-культурное творчество у нас окончательно сменилось подражанием, и в самом таинственном истоке жизни мы, “русые”, уже поработаны “белокурами”. Вы скажете, что хорошее подражание лучше плохого творчества, что в подражании — наше спасение и что стоит нам, например, остановиться в подражании вооружению соседей, как мы будем немедленно разгромлены. Я на это замечу, что подражание всегда отстаёт от творчества и подражатель всегда жертва своему образцу. Били могучие, хотя и неясные причины, почему народ русский не выдержал умственных влияний Запада; может быть, не хватило энергии выработать свою столь же определённую и роскошную культуру. Но, раз подчинившись, народ русский подвергается опасности дальнейших, постепенных, всё более тяжких подчинений. Из подражания Западу мы приняли чужой критерий жизни, для нашей народности непосильный. Мы хотим жить теперь не иначе, как с западною роскошью, забывая, что ни расовая энергия, ни природа наша не те, что там. Вынеся из доисторических времён страшную упругость духа, *furor teutonicus*, свежесть тела и сердца, германцы укрепили себя долговременною историческою дисциплиною, обогатили невероятно изобретениями, мореплаванием, промышленностью, грабёжом колоний; они легко могут позволить себе великолепие их городов с дворцами, театрами, храмами, роскошь полей и парков, обилие фабрик, железных дорог и флотов. Они вдесятеро богаче нас и вполне естественно, без напряжений устроили себе богатую обстановку жизни. Нам же, народу континентальному, расплывшемуся по стране суровой и далеко не одолевшему всех природных препятствий, народу земледельческому, не торговому, свойственна сравнительная бедность и культура менее пышная, менее искусственная, более близкая к природе. Для нас естественнее было бы натуральное хозяйство, нежели денежное, промыслы кустарные, нежели фабричные, вообще, земледельческий, деревенский уклад, нежели капиталистический. Но Запад поразил воображение наших верхних классов и заставил перестроить всю нашу народную жизнь с величайшими жертвами и большою опасностью для неё. Подобно Индии, сделавшейся из когда-то богатой и ещё недавно зажиточной страны совсем нищей, Россия стала данницей Европы во множестве самых изнурительных отношений. Желая иметь все те предметы роскоши и комфорта, которые так обычны на Западе, мы вынуждены отдавать ему не только излишки хлеба, но, как Индия, необходимые его запасы. Народ наш хронически недоедает и клонится к вырождению, и всё это для того только, чтобы поддержать блеск европеизма, дать возможность небольшому слою капиталистов идти нога в ногу с Европой. Девятнадцатый век следует считать столетием постепенного и в конце тревожно-быстрого упадка народного благосостояния в России. Из России текут реки золота на

покупку западных фабрикантов, на содержание более чем сотни тысяч русских, живущих за границей, на погашение долгов и процентов по займам и пр., и неисчислимое количество усилий тратится на то, чтобы, наперекор стихиям, поддерживать в бедной стране богатое культурное обличье. Если не произойдёт какой-нибудь смены энергий, если тягостный процесс подражания Европе разовьётся дальше, то Россия рискует быть разорённой без выстрела (подч. мной. — А. Ф.); “оскудение”, захватив раньше всего прикосновенный к Европе класс, доходит до глубин народных, и стране в таком положении придётся или иметь мужество отказаться от соблазна, или обречь себя на вечный плен...”*

По сути, это описание системного кризиса, развивавшегося в России как минимум с середины XIX века и включавшего быстрый и всё ускорявшийся упадок благосостояния низов, разложения верхов, более быстрый процесс разложения старого, чем оформления нового, постепенный рост зависимости от иностранного капитала, а следовательно, и частичную утрату суверенитета. Иными словами, прогресс капитализма в России есть фактор и мерило регресса России, русского народа и центральной власти, центроверха. Следует обратить особое внимание на мысль М. О. Меньшикова о необходимости “смены энергий” для спасения России. Сам по себе Февральский переворот — abortивная попытка кривокобой буржуазной революции в России, застрявшей, главным образом, в политической сфере, не стал сменой энергий, которой требовало развитие России с середины XIX века. Более того, он вверх Россию в хаотическое состояние, в “мутной водичке” которого могли “ловить рыбку” лишь ловкие дельцы, да вот беда (для них): времени история им отвела очень мало, и *пир во время чумы* быстро закончился.

Политические карлики и ничтожества, умевшие только красноречиво-вать, смотреть в рот британцам и французам, не знавшие свою страну и свой народ, все эти милюковы-набоковы-керенские, боявшиеся ответственности и не умевшие ничем управлять, развязали (пользуясь метафорой А. Блока) “дикие страсти под игом ущербной луны”, сами стали жертвами этих страстей и страну вверх в погибель. Вспоминается пушкинское “В поле бес нас водит, видно, // Да кружит по сторонам”. Впрочем, есть некая логика, я бы даже сказал, закономерность в том, что последние гвозди в гроб самодержавия вбивали именно самонадеянные ничтожества. Кстати, так же произошло и с советской системой, пир на костях которой справляли (а во многом и до сих пор справляют) проходимцы, моральные уроды, а то и просто преступники. О европейских событиях 1848 года Маркс и Энгельс написали, что теперь знают, какую роль в революции играет глупость и как мерзавцы умеют её использовать, маскируя в виде глупости банальный корыстный злой умысел. То же можно сказать о многих революциях.

Один из руководителей советской разведки 1980-х годов Л. В. Шebarшин как-то заметил: “Роль ошибки, легкомыслия и просто глупости никогда не учитывается в анализе политических ситуаций. В материалах исследований, отчётах, публицистических статьях, научных трудах логика и разум вносятся туда, где господствовали неразбериха и некомпетентность, отмечается элемент случайного, все события нанизываются на железный стержень рациональной, злой или доброй воли. В жизни так не бывает”. Это похоже на один из “законов Мерфи”: не ищи злого умысла там, где достаточно глупости. Однако в социальных процессах, особенно в острой борьбе с большими ставками, не всё так просто. Нередко лучший способ спрятать зло или протолкнуть его — это представить в виде глупости. Как говаривал Швейк: “Осмелюсь доложить... идиот!” Однако это лишь одна сторона дела касательно исторической глупости или неадекватности, есть и другая. Дело в том, что имеются жёсткие классовые ограничения адекватного восприятия реальности, в результате чего умные люди, руководствующиеся классовым (классово определённым или, если угодно, классово зашоренным) видением, совершают грубые ошибки — случай П. А. Столыпина. Другой пример: в начале XX века немало представителей верхушки уверенно-обречённо говорили о почти неизбежности революции. И при этом продолжали действовать так, что эту самую революцию приближали, как могли. Недаром в советское время ходила шутка

* Меньшиков М. О. Кончина века // Меньшиков М. О. Выше свободы. М., “Советский писатель”, 1998. С. 29-30.

о том, что Хрущёв не успел наградить (посмертно) Николая II за вклад в дело революции в России. В каждой шутке есть доля шутки, и уж если награждать, то не одного Николая II, а значительную часть верхушки господствующего класса Российской империи: чиновников, капиталистов, помещиков. Так же, как и разрушение советской системы и СССР — заслуга не одного Плохиша с чёрной отметиной, а коллективного плохиша. Понять, как нарастает неадекватность верхов и как мерзавцы используют её, равно как и порождённую ею глупость низов, — значит, понять долго- и среднесрочные тенденции развития больших структур и широкомасштабных процессов. Как говорил ещё один руководитель разведки, только не нашей, а американской — Аллен Даллес, — человека легко запутать отдельными фактами, но если он понимает тенденции, его уже не обманешь.

Нас в данной работе интересуют тенденции развития событий в большие исторические отрезки, хроноблоки.

1917 год стал переломным в ходе того периода русской истории, который начался в 1861 году отменой крепостного состояния и завершился в 1939 году XVIII съездом ВКП(б), окончательно погасившим последний всполох большой революционной эпохи, кризиса Большой системы “Россия” — холодную гражданскую войну 1930-х годов; её ошибочно сводят к репрессиям, которые к тому же заярыливают как “сталинские”, и сквозь её призму рассматривают многомерный, фрактальный по своей сути процесс. Понять 1917-й с его Февралём и Октябрём и их скрытыми шифрами можно только в контексте большой эпохи. Как говорил французский историк Фернан Бродель, “события — это пыль”, и их суть можно постичь только в контексте времён средней (*conjoncture*) и большой (*très-très longue durée*) длительности. Это тем более верно по отношению к таким крупным, многоплановым, каскадным событиям, как Февральский и Октябрьский перевороты 1917 года, ставшие прологом двух разнонаправленных революций, одна из которых раздавила другую.

1917 год стал переломным и в ходе того периода мировой истории, который начался Французской революцией 1789 года и возникновением Большого Левого (якобинского) Проекта эпохи Модерна и завершился разрушением СССР и системного антикапитализма в 1991 году.

Что касается конкретно Февральского переворота, то он тоже вековое событие как в русской истории, так и в европейской. В России Февраль стал логическим кризисным завершением кризисных же тенденций развития с середины XIX века, а то и несколько раньше. Февральский переворот стал попыткой узаконить уродливый капитализм (впрочем, иным в России капитализм и быть не может) в виде либерального политического строя. И вышло по Достоевскому: если кто и погубит Россию, то это будут либералы. В этом плане Октябрь 1917 года стал ответом исторической России на навязываемую ей неорганику.

В европейской истории Февральский переворот стал важным моментом в борьбе за господство в Европе и мире, которую вела Великобритания и тесно связанные с ней закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления. Одной из задач этой борьбы был разгром России в ходе запланированной британцами русско-германской войны, которая внешне должна была быть обставлена, как европейская (вышло — Первая мировая). Будучи российским явлением, Февральский переворот не будет понятен не только вне контекста долго- и среднесрочной русской истории, но и в контексте примерно такого же отрезка европейской истории. Исходя из этого, ниже история и анализ Февральского переворота 1917 года будут предварены кратким рассмотрением:

— некоторых долгосрочных тенденций русской истории, которые подвели Россию к революции (к февралю 1917 года идёт прямая линия от февраля 1861 года, по сути, толкнувшего Россию на определённый путь: “а в конце дороги той — плаха с топорами” — В. Высоцкий);

— развития событий в России в 1890-е — 1914 годы, сделавших революцию неизбежной, причём неизбежной уже в краткосрочной перспективе;

— развития европейских событий в последней трети XIX — начале XX века в условиях обострившейся борьбы за господство в Европе. Февральский переворот был бы почти немислим вне контекста мировой войны, однако сама эта война была неизбежной, поскольку только она могла решить главную проблему Великобритании и англо-американских финансистов: уничтожение

России и Германии; Февральский переворот необходимо рассматривать и под таким углом зрения;

– хода событий и механики подготовки заговора по свержению самодержавия (1914–1916). Вне широкого исторического контекста мы рискуем не только упустить многое в Февральском перевороте, но просто не понять его суть. Более того, только анализ пятидесятилетия, предшествующего двум переворотам 1917 года, второй из которых стал прологом социалистической революции (речь и о реформе 1861 года, и о российском капитализме, и о реформе Столыпина), может показать, что Россия шла к социальной революции, что революция не была случайной; случайным было бы, если бы она не произошла. Именно картина **пореформенной** России показывает, что то была Россия **предреволюционная** и что у буржуазно ориентированной революции – с учётом предшествующей эволюции – никаких шансов не было. Единственное, на что была способна такая революция, – это столкнуть Россию в пропасть.

Только после такого анализа можно реально понять Февральский переворот, его последствия для России и его уроки, особенно в контексте исторической переклички “февраль 1917-го – август 1991-го”, “позднесамодержавная” и “февральская” Россия – постсоветская РФ. Только это позволяет понять главное: больше полувек Россия шла к социальной, по сути – к социалистической революции. Недаром Льву Толстому приснился сон (о чём он записал в дневнике): в России произошла революция, не против частной собственности – против собственности вообще. Февральский переворот с его буржуазными обертонами был попыткой столкнуть Большую систему “Россия” с этого пути, а для Запада это была вообще попытка выбить Россию из истории.

Крот Истории роет медленно

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*

Ф. И. Тютчев

Хорошо известна фраза о том, что Николай I “подморозил Россию”. Обычно в неё вкладывают негативный смысл. На самом деле Николай I подморозил-замедлил процесс разложения российского общества, подморозил на тридцать лет реакционным способом; в XX веке аналогичную подморозку проведёт Сталин, но только не посредством реакции, торможения, а посредством революционного рывка в будущее, отодвинув на многие десятилетия, во-первых, то, что ожидало бы Россию в случае (впрочем, весьма маловероятном) остановки революционного процесса на Феврале; во-вторых, то, что наступило после 1991 года.

Процесс разложения российского социума был обусловлен в значительной степени его включением в мировой рынок, в капиталистическую систему. Маркс подобного типа ситуации характеризовал так: “язычник, чахнувший от язв христианства”. Имманентно не (вне-, анти-) капиталистическая по своему хозяйственному, социальному и психологическому типу Россия начала чахнуть от “язв капитализма”. Первые признаки этого проявились в екатерининское правление в виде усиления эксплуатации как частновладельческих, так и государственных крестьян в 3–3,5 раза. Причина была проста. Во второй половине XVIII века русские дворяне стали всё больше жить материальными потребностями западноевропейского дворянства и буржуазии. При этом совокупный общественный продукт, создаваемый русским сельским хозяйством, оставался таким же, как и прежде, в XVI–XVII веках, то есть относительно небольшим (значение этого факта для русской истории хорошо показано Л. В. Миловым и его школой). Если, например, в XVII веке потребности бояр и детей боярских (будущих дворян) соответствовали местной системе хозяйства (системе работ), адекватно удовлетворялись ею, то во второй половине XVIII века эти потребности формировались уже иной системой работ – западноевропейской (с урожайностью её земледелия не сам-3 – сам-4, как в центральной России, а сам-6 – сам-7), иной исторической ситуацией (возможность грабить слабых – афро-азиатский мир – и тем самым увеличивать богатство; организационно-технические факторы развития).

Для того чтобы удовлетворять потребности, сформированные более сложной и развитой системой работ, чем своя собственная, русскому дворянству пришлось усилить эксплуатацию, а государству российскому в лице Екатерины II — впервые в русской истории — залезать в долг к иностранцам. 2 апреля 1769 года через посредство амстердамских банкиров де Смет был заключён заём на сумму 7,5 млн гульденов (3,7 млн руб.) под 5% годовых. К концу царствования Екатерины II внешний долг составил 41,5 млн руб., внутренние неоплаченные счета — 15,5 млн руб., беспроцентный долг в ассигнациях — 150 млн руб.; итого — чуть более 200 млн. Такова была цена, разумеется, не только за потребление и расточительность дворянства и царского двора — Россия к тому же вела войны. И тем не менее жизнь по чужим потребностям ложилась тяжёлым бременем и на государство, и на само дворянское сословие.

Чтобы вести социально приемлемый дворянский образ жизни, нужно было иметь либо 100 душ крепостных (то есть около 500–600 человек), либо денежный эквивалент. Этим могли похвастать лишь 20% дворян. Неудивительно, что социально приемлемая (*“comme il faut”*) дворянская жизнь обеспечивалась проеданием будущего: к 1859 году 66% крепостных были заложены помещиками государству. Однако даже это не стало спасением для очень большой части помещичьих семей: в правление Николая I (точнее, с 1833-го по 1850 год), несмотря на все меры правительства по улучшению экономического положения дворянского сословия, из 127 тысяч дворянских семей 24 тысячи — почти 20% — разорились, лишившись земли и крепостных. К этим проблемам добавлялись отчётливо выявившееся уже в 1820-е годы относительное аграрное перенаселение, начинавшееся разложение не только помещичьего хозяйства, но и крепостничества (кризис постепенно охватывал как барщинную систему, так и оброчные хозяйства), финансовые проблемы (реформа Е. Ф. Канкрин лишь притормозила их негативное развитие, позволив расхлебать ту “кашу”, которую когда-то заварил “матушка Екатерина”).

Николай I стремился “подморозить” Россию полицейскими мерами, особенно во второй половине царствования, и попыткой создания бюрократии — попыткой, в целом провалившейся, как и петровская. Вместо бюрократии получилось всё то же русско-самодержавное чиновничество, только более многочисленное темп роста чиновничества в России в XIX веке превышал темп роста населения в 3 раза: в 1796 году 1 чиновник приходился на 2250 человек, в 1851-м — 1 на 929 человек, в 1903-м — 1 на 335 человек. Процесс стартовал при Николае I, когда тот после декабрьского восстания перешёл от дворянского к преимущественно разночинно-аппаратному принципу формирования чиновничества. В середине XIX века только 20% чиновников были выходцами из дворянства, 80% были разночинного происхождения; в результате Россия получила малоэффективное, бедное и, как следствие, ещё более измождённое, то есть, выражаясь современным языком, коррумпированное чиновничество. Материальное обеспечение было серьёзной проблемой не только дворянства, но и чиновничества. В середине XIX века 40% представителей высшего чиновничества не имели крепостных, а если говорить о чиновничестве в целом — 50%.

Николаю I не удалось превратить российского чиновника в бюрократа в строгом смысле термина по нескольким причинам. Во-первых, в условиях хозяйства с низким уровнем прибавочного продукта почти невозможно создать эффективную бюрократию: мало средств, поэтому в России определённую часть чиновных функций власть вынуждена была передавать помещикам. Во-вторых, обширная территория и плохие средства коммуникации затрудняли контроль со стороны власти не только над населением, но и над чиновниками. В-третьих, надзаконный характер русской власти не способствовал развитию контроля над её представителями не только снизу, но и сверху. В-четвёртых, самодержавие (а впоследствии, и советская система) — слабоинституционализированная система власти, и это тоже не даёт возможности превращения чиновника в бюрократа. В-пятых, бюрократия как слой есть персонификатор государства (state) — самодержавие (и советская система) не являясь этой формой власти, представляя собой один из принципиально иных видов политики.

1861 год: освобождение как форма грабежа

*Распалась цепь великая,
Распалась и ударила:
Одним концом по барину,
Другим по мужику.*

Н. А. Некрасов

Иных решений, кроме “подморожения” ситуации в России, у Николая I не было, однако уже в 1840-е годы стало ясно, что этот курс порождает больше проблем, чем решает их. Отсюда смена курса с “николаевской реакции” на реформы Александра II — “царя-освободителя”, который освободил, а точнее, высвободил, прежде всего, процессы социального гниения, разложения, развивавшиеся значительно быстрее, чем оформление здоровой новизны. Да и самая главная из “великих реформ” была проведена так, что закладывала фундамент для будущих грозных революционных потрясений (которые К. Маркс предсказал уже в 1870 году), а её развитие вырабатывало социальный динамит; в начале XX века оставалось лишь присоединить к нему бикфордов шнур и поднести к нему спичку. В том, что реформа 1861 года породила русские революции начала XX века, сходились столь разные по политическим взглядам персоны, как М. О. Меньшиков и В. И. Ленин. Первый отметил, что “шестьдесят первый не сумел предупредить девяност пятый”, а второй высказался ещё определённое: 1905-й был порождён 1861-м. От себя добавлю: 1917 год доделал то, что не было сделано ни в 1861-м, ни в 1905 году.

Крестьянская реформа (отмена крепостного состояния) была проведена так, что ударила по интересам как дворян-помещиков, так и крепостных крестьян. Недаром Н. А. Некрасов заметил, что реформа ударила “одним концом по барину, другим по мужику”. Барина заставили, принудили позволить крестьянам выкупать землю, а крестьянин, выкупив землю, не имел права отказаться от надела в течение 10 лет (в реальности срок растянулся ещё больше), а выкупные платежи были отменены только после революции 1905–1907 годов. В результате реформы крестьяне потеряли 20% своих земель, средний надел уменьшился до 3,3 десятины.

Права специалисты: отмена крепостного состояния в той форме, в какой она была проведена, исключала возможность появления свободной рабочей силы в аграрном секторе России. Более того, крестьянская реформа привела к тому, что главной задачей огромного числа крестьян стало выживание; раньше, в крепостничестве, это была тяжёлая, но жизнь. К концу XIX века величина крестьянского надела сократилась в 1,7–2 раза: если в крепостные времена это было 5,24 га на человека, то стало 2,84. На четверть или треть снизилась калорийность питания крестьян.

Не будет преувеличением сказать, что освобождение крестьян стало средством и одновременно побочным продуктом ограбления их государством, власть и собственность имущими. Это ограбление освободило не столько крестьян, сколько те силы гниения и разложения, которые находились в состоянии “подморозки”; речь не о том, что крестьян не надо было освобождать, вопрос в том — как; освобождение как грабёж (или грабёж как освобождение) и реальная свобода — вещи разные. В 1990-е годы ельциноиды, грабившие страну и сокращавшие своими людоедскими “реформами” население почти по миллиону в год, тоже говорили, что принесли свободу. Не потому ли так быстро в постсоветской России появился памятник Александру II как классово и социально-технологически близкому новым господствующим группам?! Не менее показательно и то, что в правление Александра II была ослаблена борьба с лихоимством — лихоимцам 1990-х и более поздних времён это должно быть “в масть”.

“Разморозив” Россию и получив кризис, включавший революционную ситуацию второй половины 1870-х годов, Александр II уже довольно скоро попытался “подморозить” сам кризис, чем придал ему дополнительный импульс. Весьма важно и то, что в правление Александра II Россия из автономной мир-системы, какой она была в течение четырёх столетий (с середины XV века) превратилась в элемент мировой системы, ядром которой была Великобритания (в 1930-е годы СССР превратится в альтернативную капитализму мировую систему, а в 1990-е РФ, как и Российская империя в 1860-е годы, превратится в зависимый сырьевой элемент капиталистической системы, только уже не

мировой, а глобальной). С 1860-х годов Российская империя начинает постепенно превращаться в финансово зависимый сырьевой сегмент капиталистической системы. Справедливо ради необходимо отметить, что Александр II и Александр III в силу возможностей и в меру понимания тормозили, как могли, этот процесс, стремясь защитить Россию (и свой правящий дом) от финансовых хищников, от тех же Ротшильдов, чем вызвали их ненависть. Однако процесс шёл, и при Николае II развернулся полностью, став одной из составляющих деградационно-катастрофической динамики империи. И тем не менее, уже при обоих Александрях в Россию пошёл иностранный капитал, активизировалось развитие связанного с ним российского капитала. Появились новые группы собственников – капиталисты. Продолжился процесс упадка дворянства, сохранившего привычку жить в долг и таким образом проедать будущее.

После отмены крепостного состояния дворяне аккумулировали в своих руках 10 млрд рублей – в 1,5 раза больше стоимости российской промышленности накануне Первой мировой войны, однако, как отмечает А. В. Островский, они не создали сильный аграрный сектор, а предпочитали закладывать и перезакладывать землю, то есть вели, по сути, паразитический образ жизни. Изменился лишь объект заклада: в первой половине XIX века дворяне закладывали крепостных, во второй половине, лишившись крепостных, стали закладывать землю. Если в середине 1870-х годов в залоге было 4% дворянских земель, то в середине 1890-х – уже 40%; при этом в начале XX века половина дворян не служила. В канун Первой мировой войны землю имела только треть дворянских семей, причём в их собственности оставалась половина земель, которой они или их предки владели в 1861 году. Из владельцев 75% частной земли на рубеже 1860–1870-х годов к концу века дворяне превратились во владельцев 50% земли. Несмотря на это, даже в 1905 году стоимость земель, находившихся в руках дворян в 50 губерниях европейской части России, составляла 4 млрд рублей, что на 60% больше общей массы капитала акционерных капиталов. Иными словами, земельная собственность составляла огромную, если не бóльшую часть национального богатства – и это после почти полувека развития капитализма в России!

Как отмечает А. В. Островский, к началу XX века данные о соотношении национального богатства между промышленностью и сельским хозяйством таковы: 6 млрд и 24 млрд рублей. “Это означает, что процесс индустриализации России вплоть до начала Первой мировой войны находился на начальной стадии”*. Недоразвитость индустриального развития России по сравнению с Западом можно иллюстрировать массой примеров, ограничусь одним – из жизненно важной военной сферы. В Первую мировую войну Россия вступила, имея 240 орудий тяжёлой артиллерии; для сравнения: Австро-Венгрия – 1000, Германия – 3260. Немецкая промышленность производила 250 тысяч снарядов в день; неудивительно, что в мае 1915 года в боях на линии Дунаец – Горлице немцы всего лишь за 4 часа выпустили по русской Третьей армии 700 тысяч снарядов (за всю франко-прусскую войну 1870–1871 годов немцы выпустили лишь немногим больше 817 тысяч снарядов).

Самым крупным землевладельцем, заводчиком, оптовым купцом, кредитором и т. п. выступало государство, причём государственный (казённый) сектор той же промышленности развивался нередко за счёт частного, а то и в ущерб ему. Роль государства в экономике росла быстрее роли российского частного капитала, что, естественно, не устраивало капитал, особенно крупный, и порождало конфликт между ним и государством, достигнувший смертельной остроты в 1915–1916 годах.

Россия и иностранный капитал

“...тайное общество, постепенно поглощающее богатство мира”.

С. Родс

Вся пореформенная эпоха – это время возрастания “зависимости России от иностранного капитала, усиления её эксплуатации извне. Когда-то считалось, что в результате этого к началу Первой мировой войны Россия

* Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX веков. М., “Товарищество научных изданий КМК”, 2016. С. 78–79.

превратилась в полуколонию. В 1950-е годы эта точка зрения была поставлена под сомнение, хотя выдвинутые в связи с этим аргументы трудно назвать убедительными. В любом случае, факт усиления зависимости России от иностранного капитала — это бесспорный факт.

С одной стороны, приток иностранных инвестиций сопровождался внедрением новых технологий, с другой стороны — выкачиванием из России необходимых ей самой ресурсов, в том числе капитала. В результате этого иностранный капитал становился одновременно двигателем и тормозом внутреннего накопления. Баланс этих двух тенденций не подведён. Однако можно утверждать, что иностранные инвестиции двигали вперёд промышленность и транспорт, а откачиваемые средства поступали, главным образом, из деревни, что способствовало разрушению крестьянского хозяйства. Процесс первоначального накопления приобретал однобокий характер: в России оставались разорённые крестьяне, а прибыль от инвестиций уплывала за границу, что сдерживало формирование отечественной буржуазии**.

Неудивительно, что всё это вкупе с исчерпанием возможностей экстенсивного развития, с одной стороны; резким сокращением ввиду развития городской промышленности возможностей сельских промыслов — с другой; сырьевым характером экономики, жившей в значительной степени за счёт зерна (отсюда лозунг: “Недоедим, но вывезем” — недоедали, естественно, крестьяне) — с третьей стороны, привело к небывалому массовому голоду 1891–1892 годов. В России критическим уровнем для начала голода считались 19,2 душевого сбора, но зерно продолжали продавать и при 14 пудах! В результате в 1892–1893 годах голодало 30 млн человек, из которых 400 тысяч умерли (1,5 млн спас Красный Крест). Голод 1892–1893 годов вместе с восшествием на престол Николая II подвёл черту под целой эпохой; по пересечении этой черты Россия ещё быстрее устремилась к революции. Впрочем, проницательные и дальновидные люди предсказывали это ещё в середине 1880-х годов. Так, в 1886 году министр финансов Н. Х. Бунге писал: “Упадок российских финансов особенно стал обнаруживаться с 60-х годов (то есть с началом реформ Александра II. — **А. Ф.**), а с 1880 года он приобрёл характер угрожающий”. И далее: “Всё это при отсутствии даже намёка на какое-либо улучшение готовит в недалёком будущем тяжёлую развязку” — “государственное банкротство”, а за ним — “государственный переворот”. За такой прогноз Н. Х. Бунге 1 января 1887 года был отправлен в отставку, но его прогноз через тридцать лет подтвердился.

В советской историографии, особенно в 1920–1950-е годы, положение России на рубеже XIX–XX веков нередко квалифицировалось как полуколониальное. Начиная с 1960-х годов эта оценка несколько смягчилась, однако роль и значение иностранного капитала в России в предреволюционный период были исключительно велики, причём в наиболее важных отраслях промышленности (90% шахт России, 50% предприятий химической промышленности, 40% металлургических и машиностроительных предприятий, 30% текстильной).

Что касается банковской сферы, то там иностранный капитал был просто сверхпредставлен. На 1 января 1917 года удельный вес иностранного капитала, в основном капитала ведущих коммерческих банков, составил 47%, в том числе в Русско-Азиатском банке — 79%, в Петроградском частном коммерческом банке — 58%, в Соединённом банке — 50%**.

А. А. Мосолов вообще даёт убийственные цифры: если в начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20–30% капитала в России, в 1913 году — 60–70%, то к сентябрю 1917 года — 90–95%***. Возможно, это некоторое преувеличение, но тенденция налицо: нарастающий удельный вес иностранного капитала в России.

В российских банках доля иностранного капитала выросла с 7,5% в 1870 году до 43% в 1914 году; в период войны эта цифра резко взлетела. Можно приводить ещё и ещё цифры подобного рода, но данная работа — не по экономической истории; интересующихся можно отослать к отличной работе

* Островский А. В. Ук. соч. С. 80.

** Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960. С. 385.

*** Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993 (цит. по: Борьба. М., 1995. № 12. С. 2).

О. А. Арина*. Здесь же остаётся зафиксировать растущую зависимость самодержавия (“государства”) от иностранных займов. Уже в начале XX века российскийское правительство прочно сидело “на игле” иностранных займов (особенно 1906 и 1909 годов), оплата одних процентов с 1904-го по 1913 год составила 1,7 млрд руб. (получено в качестве займа – 1 млрд!). “Из всей внешней задолженности всех стран мира, составлявшей к началу 1914 года сумму в 6317 млн долл., на Россию приходилось 1998 млн долл. (31,2%)”**. При этом наибольшую задолженность Россия имела перед французским финансовым капиталом, а также британским (Ротшильды и аффилированные с ними структуры). Французский капитал размещение русских займов ставил в зависимость от увеличения русской армии и строительства стратегических железных дорог.

Концерны Антанты, пишет Г. Хальгартен, “не только снабжали Россию извне, но контролировали также немногие мнимо русские предприятия и таким образом закрепляли за странами Западной Европы монополию поставок для русской армии, а это, согласно, правда, пристрастному мнению тогдашнего русского военного министра Сухомлинова, препятствовало созданию достаточно сильной национальной военной промышленности и тем самым обусловило русскую катастрофу 1915 года, которая, несомненно, была вызвана, в первую очередь, недостатком боеприпасов”***. Неудивительно, делает вывод О. А. Арин, что Россия, имевшая более высокий уровень торговых связей с Германией, чем с Францией или Великобританией (и, добавлю я, демонстрировавшая большее сходство именно с ней в политическом плане и в то же время не имевшая столь острых противоречий со Вторым рейхом, чем Великобритания), оказалась на стороне Антанты, таская каштаны для этих стран. Это и есть показатель частичной утраты суверенитета поздним самодержавием, логичное следствие развития пореформенной России как во внешнем, так и во внутреннем плане.

О том, как развивалось рабочее движение в начале XX века, вряд ли стоит много писать. Достаточно вспомнить революцию 1905 года, бои на Красной Пресне, первые советы, забастовки как до, так и после революции.

Полуфинал (1892/4–1914)

*Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?*

С. Есенин

В это двадцатилетие, которое я назвал полуфиналом смертельной игры самодержавия с историей, а точнее – с народом, с одной стороны, и с капиталом (русским и иностранным) – с другой, уместилось много важных событий: русско-японская война, революция 1905–1907 годов, эсеровский террор, третьеиюньский переворот и одноимённая монархия, окончательный поворот России к ориентации на Великобританию и её пристяжную – Францию, столыпинская реформа, убийство самого Столыпина и многое другое. Однако главным было то, что слабеющая и олигархизирующаяся самодержавная монархия Николая II загоняла Российскую империю во всё больший тупик нерешаемых, а впрочем, и неразрешимых для данной власти внутренних (аграрный вопрос, проблемы капиталистического развития и его стыковки с русской жизнью) и внешних (зависимость от иностранного капитала, частичная утрата суверенитета) проблем. Всё это – на фоне гниения строя (с 1890-х годов “единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию, увя! не достойных, а только более бесстыдных”. Н. Е. Врангель) и катастрофически нарастающего паралича системы управления, что и облегчило перехват власти в феврале и, прежде всего, в сфере государственной безопасности, безопасности системы. Впрочем, как заметил О. Маркеев, “когда система не может выдержать лавину Хаоса, первым трещит компенсаторное звено”,

* Арин О. А. Правда и вымыслы о царской России. Конец XIX – начало XX века. М., “ЛЕНАНД”, 2010.

** Мосолов А. А. Ук. соч. С. 561.

*** Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961. С. 631.

при этом бо́льшая часть пороков любой системы сконцентрирована в подсистеме защиты, то есть в госбезопасности и структурах внутренних дел. А какое количество работников этих структур Российской империи, включая высокопоставленных, сотрудничало с оппозицией, начиная с кадетов и заканчивая большевиками! Количество таких “сотрудничающих” едва ли уступало числу представителей британской агентуры влияния, которой российский истеблишмент был едва ли не нашиггован. Но главным, конечно же, было нарастание проблем в аграрном секторе общества, а также в промышленности и в сфере международных отношений.

В начале XX века Россия была аграрной страной, в которой, согласно переписи 1897 года, 70% населения – крестьянство (а сельское население вообще 87%!); доля сельского хозяйства в национальном доходе составляла 75–80%, и вот эта главная для России сфера экономики находилась в состоянии кризиса, потому-то аграрный вопрос и стал “гвоздём русской революции” (В. И. Ленин). Прежде всего, необходимо отметить малоземелье. Для того чтобы жить с земли в Центральной России, нужно 4 га на душу населения. В 1913 году было, по разным оценкам, от 2 до 0,4 га. При этом, повторю, возможности экстенсивного развития к концу XIX века были исчерпаны, а городская промышленность резко сократила возможности сельских промыслов.

В начале XX века, по мнению специалистов, роль центральных губерний в качестве центра зернового производства снижалась. Эту роль перехватывали южные губернии, причём перехватывали именно тогда, когда уже исчерпали возможности интенсивного развития. В кризисе находились зерноводческие и животноводческие хозяйства, которые с капиталистической точки зрения были убыточными; по мере роста их убыточности росла роль кабальной аренды. Здесь мы подходим к очень важному вопросу: об уровне развития капитализма в русской деревне. Как известно, накануне революции 1905 года В. И. Ленин существенно завышал этот уровень, что признал после поражения революции в работе “Аграрная программа социал-демократии”. Однако в реальности уровень развития аграрного капитализма был ещё ниже, чем это готов был признать Ленин. Укрепления позиций капиталистически организованного сектора в помещичьем хозяйстве не происходило, капиталистические хозяйства представляли “резкий базис”. Купеческий капитал тоже утрачивал интерес к земле из-за низкой доходности сельхозпродукции.

Показательно, что главную роль на рынке сельхозпродукции на рубеже XIX–XX веков в европейской части России играли средние и бедные хозяйства, которые едва ли можно отнести к мелкотоварным в силу вынужденного характера их товарности. Неудивительно, что впоследствии революция развивалась успешнее в тех районах, где аграрный капитализм и товарность сельского хозяйства были слабо развиты. Аналогичным образом гражданская война “поыхала от темна до темна” именно в той части России – на востоке и на юге страны, – где наибольших успехов добилась в целом провальная аграрная реформа П. А. Столыпина.

Явление Столыпина народу и народный ответ Столыпину

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла затрепали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: “Горим, помогите, помогите!” – “Как не так”, – сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар.

А. С. Пушкин. “Дубровский”

По сравнению с советским временем в постсоветский период официальное отношение к этому персонажу русской истории изменилось со знака “минус” на знак “плюс”, по-видимому, в силу ощущения классового сходства. Появился даже Столыпинский клуб, организаторы которого, по-видимому, плохо знают историю и не ведают того, что реформа Столыпина провалилась,

и сам он — один из крупных неудачников в нашей истории. А ведь известно, что “как вы яхту назовёте, так она и поплывёт”: “Победа” — это одно, “Беда” — совсем другое. Реформа Столыпина — это из разряда “Беда”, впрочем, как и сегодняшние столыпинцы.

Начать с того, что главная цель столыпинской реформы была вовсе не экономической (это вторично, это — средство), а социально-политической по форме, классовой по содержанию: разрушение общины как готовой оргформы сопротивления власти и господствующему классу. События 1906–1907 годов это качество и этот потенциал общины продемонстрировали со стекляннoй ясностью. И если всю вторую половину XIX века власть исходила из необходимости сохранения общины любой ценой как средства против пауперизации крестьянства и революции по западному образцу, то в начале XX века, после революции 1905 года, ситуация изменилась. Второй пласт целей реформы — экономический по форме и опять же классовый по содержанию: разрушить, как верно заметил Н. И. Кротов, “систему хозяйствования, основанную на коллективизме и взаимопомощи, а также провести массивную приватизацию — сделать землю предметом свободной продажи и залогов. Ничего вам это не напоминает?! Аналогичные цели ставил через 85 лет А. Б. Чубайс”. Разумеется, реформа должна была подавить самую возможность развития революционных настроений у крестьянства, а если они и возникнут у его части, то на их пути в качестве социального волнореза должны были, по задумке П. А. Столыпина, встать “крепкие и сильные” мужики, то есть индивидуальные хозяева, мелкие аграрные капиталисты.

Интересы дворян-помещиков реформа не задевала. Более того, она должна была обеспечить помещика младшим союзником в виде “крепкого мужика”. Странно, что Столыпин, по-видимому, плохо понимал, что в российских условиях начала XX века крестьяне и помещики — смертельные конкуренты в борьбе за землю. Вопреки ожиданиям Петра Аркадьевича, “крепкий мужик” не только не стал союзником помещика, но в 1916–1917 годах сам повёл гольтьбу громить усадьбы, и пока гольтьба жгла, ломала, гадила в барских комнатах и топила рояли в пруду, “острые крепкие мужички” грузили помещичье добро и свозили его к себе на двор.

Ничего не вышло и с попыткой разрушить общину. За десять лет проведения реформы из общины выделилось лишь 2,5 млн дворохозяйств (27%), владевших 15,9 млн десятин (14%), причём нередко выделение носило формальный характер — чтобы обмануть власти, ведь реформа проводилась в значительной степени с помощью насилия: аресты, порки целых групп крестьян, высылки.

Когда в 1910–1911 годах стало ясно, что реформа проваливается (исторически оказалось: уже провалилась), были изданы новые законы, нацеленные на принудительную приватизацию общинных наделов. Экономист А. Финн-Енотаевский писал, что эффект “столыпинской кампании” (он даже не употребляет слова “реформа”!) был ничтожным, а во многом и контрпродуктивным — упали практически все показатели: количество лошадей (с 23 голов на 100 человек в 1905 году до 18 в 1910 году), крупного рогатого скота (с 36 до 26 голов на 100 человек), средняя урожайность зерновых (с 37,9 пуда с десятины в 1901–1905 годах до 35,2 пуда в 1906–1910 годах); производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900–1904 годах до 22 пудов в 1905–1909 годах; нарастал процесс обнищания крестьянства центра страны; избыточное население деревни (без учёта вытеснения живого труда машинами) увеличилось с 23 млн в 1900 году до 32 млн в 1913 году*. Неудивительно, что в 1906, 1907, 1908 и 1911 годах голод охватывал центральные и восточные губернии страны; в 1911 году голодали 30 млн человек, причём даже в плодородной Новороссии. А в урожайном 1909 году в 35 губерниях (общее население 60 млн человек) было произведено по 15 пудов зерна на человека — на тот момент это было несколько меньше физиологического минимума.

Показательно, что Лев Толстой характеризовал речи Столыпина как “бесчеловечные, глупые, чтобы не сказать отвратительные”. Жёсткую оценку ре-

---

* Я благодарен Н. И. Кротову, обратившему моё внимание на работу С. В. Онищука “Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономика мирового исторического процесса)” (М., “Восточная литература”, 1995), который привёл цифры А. Финн-Енотаевского.

формам Столыпина как ведущим к революции дал С. Ю. Витте: “Не подлежит, по моему мнению, сомнению, что на почве землевладения, так тесно связанного с жизнью всего нашего крестьянства, то есть, в сущности, России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особливо при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признаётся за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тысяч бар и что государства существуют для сильных”. А вот для постсоветского режима радевший о благополучии 130 тысяч бар Столыпин стал чуть ли не героем, 150-летие со дня рождения которого помпезно отметили в РФ.

Если Толстой и Витте могли вербализировать свои чувства, то у простых крестьян они оставались на уровне эмоций, и эмоции эти были просты: столыпинская реформа сыграла для деревни ту же роль, что “Кровавое воскресенье” для города: она подорвала веру в царя у большей части слоя, ранее весьма консервативного, но благодаря Столыпину начавшего превращаться в стихийного революционера, и 1916–1917 годы в деревне продемонстрируют это.

Столыпинская реформа даже в своём провальном варианте, безусловно, приблизила революцию; если бы она увенчалась успехом, то революция произошла бы лет на пять раньше или в самый канун мировой войны: 20–25 млн выброшенных в город и ненужных промышленности мужиков просто смели бы режим.

Приговор столыпинским преобразованиям в деревне был вынесен сначала в 1913 году на I сельскохозяйственном съезде в Киеве, зафиксировавшем, что большинству крестьян реформа ничего не даёт; нужны не отдельные хутора, а артели; а затем – в 1917 году – Временным правительством, официально признавшим реформу “несостоявшейся”, и в совместном докладе Московского общества сельского хозяйства и Союза кооператоров. В докладе подчёркивалось, что решение аграрного вопроса в России (и Европе) должно идти не по-столыпински, а на путях национализации земли и кооператизации сельхозпроизводства. Ну, а привели приговор в исполнение сами крестьяне, вернувшие к 1920 году более 90% земли в общинную собственность.

Отдельный вопрос – кто и почему сегодня распространяет миф о великом и успешном государственном деятеле, чуть ли не образце для подражания? Почему – понятно. Первая причина заключается в том, что Столыпин – классово близкий, чем существенно отличается и от Сталина и даже от Ивана Грозного, которые, как заметил А. Гусев, “главный удар наносили по элите. Они били по сильным мира сего [...] Столыпин бил по самым слабым и незащищённым – по крестьянству. Террор Столыпина был направлен в пользу элиты, против большинства населения. То есть задача Столыпина была совершенно иная, чем у Грозного, Петра и Сталина. Если они перedelывали систему под нужды государства, то Столыпин пытался перedelать народ под нужды системы. Если говорить по-марксистски, то Грозный, Пётр и Сталин меняли надстройку под нужды изменившегося базиса, а Столыпин пытался перedelать базис под нужды устаревшей надстройки”.

В принципе, здесь есть повод возразить А. Гусеву. Во-первых, из приведённой им тройки русских властителей по своей классовой ориентации со всей очевидностью выпадает Пётр I. Во-вторых, самодержавие было не только надстроечным элементом, но и самостоятельным агентом производственных отношений. В-третьих, Столыпин спасал не только надстройку, но и класс помещиков. Однако общая оценка А. Гусева отличия действий Столыпина от “великой тройки” абсолютно верна, как и его отличия от “тройки” по линии “прогрессивный – реакционный”. Столыпин при всей его риторике, конечно же, реакционер, а его реформа – попытка ещё раз ограбить крестьянство под флагом “свободы”, как в 1861 году. Но если 1861 год обернулся трагедией, то столыпинщина – трагифарсом.

Вторая причина распространения мифа о Столыпине и его реформе заключается в том, что в истории России практически нет героев среди буржуазии, а официальный спрос на таковых после 1991 года появился. Иными словами, на буржуазном безрыбье... Кто распространяет миф? Отчасти – власть, отчасти – обслуживающая её либероидная научная и СМИшная тусовка, у которой заказ хозяев накладывается на презрение к низам и плохое

знание истории, отсюда – “Столыпин – наш рулевой”. При этом, однако, надо помнить, куда нарулил этот “рулевой”, ставший – против своей воли – одним из “толкачей” революции 1917 года. Чуть меняя фразу Тютчева, можно сказать: *нам не дано предугадать, как дело наше отзовётся*. Сказано в Библии: “Толцые, и отверзется”. Столыпин “толкнул” слишком сильно и не ту дверь – и отверзлось...

Столыпинская реформа резко обострила и без того копившиеся в деревне противоречия и антагонизмы. В начале XX века эти антагонизмы подогревались и усиливались тем, что именно в это время процесс первоначального накопления (который, как известно, предшествует капиталистическому и капиталистическим не является; специфика России и периферийных обществ капиталистической системы заключается в том, что два эти процесса сосуществуют, причём первый, некапиталистический, постоянно подсекает и подавляет капиталистический) в деревне подошёл к своей кульминации. Вот что пишет об этом А. В. Островский: в России “крестьянское население, не затронутое процессом пролетаризации и пауперизации, составляло около 56,8 млн чел., 46% всего населения. Это значит, что на рубеже XIX–XX вв. процесс первоначального накопления и связанная с ним перестройка социально-демографической структуры населения Европейской России вступили в кульминационную стадию”. Причём происходило всё это на фоне весьма неблагоприятных для самодержавной системы процессов в промышленном секторе – в среде рабочего класса, с одной стороны, и буржуазии – с другой, в среде которой шла своя острая борьба и зрели антиправительственные настроения, а также в финансовой сфере с её играми иностранного капитала”.

Тезис о том, что в начале XX века Россия переживала успешную буржуазную модернизацию, не просто не подтверждается фактами. Это либо глупость, либо околонучное жульничество с политико-идеологической (антисоветской) и коммерческой направленностью. Именно в первые полтора десятка лет XX века стало ясно, что русская деревня не может двигаться ни по одному из путей аграрно-капиталистического развития – ни по американскому, ни по прусскому. О каком вообще капитализме или буржуазной модернизации может идти речь, если не завершилась трансформация патриархального уклада в (мелко)товарный, если наиболее активным в деревне был ростовщический капитал, который, как известно, ничего не создаёт, а разлагает, если в России в канун 1917 года, несмотря на наличие капитализма, основы буржуазного общества не сложились?

Только при узкоэкономическом, эконо-детерминистском взгляде, к тому же не принимающем в расчёт роль и значение иностранного капитала и его собственности, Россия в начале XX века могла казаться колоссом, особенно тем, у кого от страха перед Россией были глаза велики, например, у немцев. 7 июля 1914 года канцлер Германии Бетман-Гольвег писал: “Будущее за Россией, она растёт и растёт, и надвигается на нас, как кошмар”. Немецкая правительственная комиссия, посетившая Россию во время столыпинских реформ, пришла к выводу: после их окончания, через десять лет, война с Россией будет непосильна, а ещё через десятилетие по промышленному и демографическому потенциалу Россия обойдёт все крупнейшие европейские державы, вместе взятые.

В основе такой оценки лежит абстрагирование экономики от социальной и властной структур, экономредукционизм, подмена целого одним из его элементов. Немцы не учли ни хрупкости социальной структуры российского общества, ни того, что, чем успешнее в позднесамодержавном социуме развивается экономика, тем острее социальные проблемы, что иностранные займы и капитал, подрывая суверенитет, делают маловероятными внешнеполитические успехи и т. д.* Там, где немецкий канцлер видел мощь, его современник, знавший и понимавший ситуацию изнутри, умный по-русски, а не по-немецки барон Н. Е. Врангель (отец главкома Русской армии П. Н. Врангеля) видел пустоту и рисовал совершенно иную картину и иные перспективы. В начале XX века, писал барон, в России “оказалась пустота. Возглавлялась она катящейся по наклонной плоскости аристократией, за аристократией следо-

---

* Подр. см.: Фурсов А. И. Великая война: тайна рождения XX века // De Aenigmate / О Тайне. Сборник научных трудов. М., “Товарищество научных изданий КМК”, 2015. С. 260.

вало вырождающееся дворянство, за дворянством шла не имеющая опыта правления интеллигенция и, наконец, позади всех – громадная толпа, крестьянская Россия, тёмная, униженная и лишённая энергии. И опять приходится верить, что Россия, может, воскреснет тогда, когда проснётся легендарный Илья Муромец”*.

Здесь два очень важных момента. Во-первых, Н. Е. Врангель, по сути, описал тотальный, системный кризис. Во-вторых, по его мнению, только проснувшийся Илья Муромец, то есть народ, способен воскресить Россию. Можно возразить, что мы имеем дело с пессимизмом представителя гибнущего класса, но, во-первых, классы гибнут вместе с системами, значит, диагноз “системный кризис” поставлен верно; во-вторых, аналогичное мнение высказывали представители других социальных групп – И. Солоневич, М. Меньшиков. Кстати, с тезисом последнего о “смене энергий” как средства спасения России перекликается мысль Н. Е. Врангеля о том, что Россия, прежде всего народ, должна проснуться. Проснуться в тех условиях означало одно: революцию. Только хирургическое вмешательство могло решить проблемы России. Проблема, однако, заключается в том, что у Февральского переворота не только внутренний (аграрный, промышленный, политический) след, но и внешний, по преимуществу, наднациональный и британский. Именно внешний фактор, внешний субъект способствовал взлому складывающейся в России патовой ситуации. Дело в том, что завязавшийся в России узел противоречий имел своим результатом некое, пусть хрупкое, но равновесие сил. А противоречия эти были самые разные. Если к противоречиям между крестьянством и помещиками, пролетариатом и буржуазией добавить таковые между буржуазией и дворянством, между дворянством и правительством, между буржуазией и правительством, между различными группами буржуазии, в региональном плане – между питерской буржуазией, тесно связанной с госаппаратом империи, и московской буржуазией, таких связей не имевшей, то мы получаем полномасштабный социосистемный кризис. При этом различные общественные силы уравнивали друг друга, создавая некую закупоренную, патовую ситуацию, и субъект стратегического действия, способный прорвать её, внутри страны отсутствовал, если, разумеется, не считать субъектом крестьянскую стихию, “новую пугачёвщину”. Последняя действительно развернулась, но уже после Февральского переворота. И развернулась под воздействием внешнего фактора, внешнего субъекта, его действий. Речь, прежде всего, идёт о мировой войне.

Британцы, ложи, ФРС: путь к войне

*Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.*

Н. Заболоцкий

С окончанием наполеоновских войн Россия стала соперником № 1 Великобритании в Европе, и британцы начали настраивать европейское общественное мнение против России, запустив в 1820-е годы информационный проект “русофобия”. Он стал психоисторическим средством подготовки общеевропейской войны против России, которой стала Крымская война. В результате этой войны британцам не удалось загнать Россию в границы XVII века, однако из-за войны и последовавших за ней реформ Александра II Россия перестала быть автономной мир-системой и превратилась в элемент мировой (уже без дефиса) системы капитализма.

Однако пока британцы занимались Россией, набирала силы Пруссия, которая в войне 1870–1871 годов нанесла поражение Франции, и возник Второй рейх. С неприятным удивлением британцы поняли, что в Европе появилось государство, способное бросить им вызов. В это же время в Центральной Азии развивалось противоборство Британской и Российской империй – “Большая игра” (А. Конолли).

* Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., “НЛО”, 2003. С. 329.

В связи с этим в 1880-е годы перед британской верхушкой остро встали два вопроса: германский и русский. Нужно было устранить конкурентов в геополитике и экономике и постараться поставить под контроль промышленность Германии и ресурсы России. И, конечно же, британцы не могли допустить реализации их ночного кошмара – континентального союза России и Германии. Более того, остановить немцев британцы могли только с помощью России. Как заметил А. Е. Едрихин-Вандам, решение британцами германского вопроса “возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при неперменном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше”.

Итак, внимание: в конце XIX века само существование Британской империи, доминирующие позиции её верхушки и закрытых наднациональных структур – всё это в решающей степени стало зависеть от разрушения Германии и России, но средством разрушения мог быть только конфликт между ними. Завязанный тугим узлом русско-германский вопрос стал центральным вопросом существования британской, а с определённого момента и американской верхушки в их глобалистских устремлениях. Глобалистский и имперский принципы организации пространства несовместимы, особенно когда имперский принцип воплощается белой же, христианской, но не протестантско-католической, а православной и к тому же некапиталистической по сути цивилизацией – Россией.

Решение германского вопроса британцами упиралось, во-первых, в европейскую войну, которую надо было каким-то образом подготовить и развязать, причём так, чтобы впоследствии обвинить в её развязывании Германию; во-вторых, в необходимость создания союза с Россией.

Схему реализации союза с Россией и развязывания войны в Европе англы раскинули на несколько этапов со стандартным для них горизонтом планирования в 25 лет. Сначала с помощью Ротшильдов и Папы Римского британцы подтолкнули Францию к союзу с Россией, который был заключён в 1892–1893 годах. Следующим шагом было развернуть Францию к союзу с Великобританией. На решение этой задачи ушло около десяти лет; задача была разделена на две части: сначала нужно было привести к власти во Франции если не пробританских деятелей, то хотя бы готовых к диалогу. Акцией прикрытия этой операции стало “дело Дрейфуса”; затем нужно было показать французам, что Россия не так уж и сильна, а потому полагаться только на неё ошибочно. Последнее было достигнуто с помощью русско-японской войны. В свою очередь, эта задача потребовала превращения Японии в относительно сильную региональную державу; средство достижения – победоносная для Японии война с Китаем 1894–1895 годах, в которой британцы играли значительную роль. Ну, а после русско-японской войны можно было протянуть руку России, и в 1907 году заключением англо-русского договора оформилась Антанта. Перед этим британская агентура влияния в России сорвала последнюю попытку сближения России и Германии, сыграв на политической близорукости, личных качествах и весьма средним интеллекте Николая II и Вильгельма II.

В 1907–1908 годах сцена для русско-германской войны была подготовлена. Однако, во-первых, война нуждалась в финансовом обеспечении; во-вторых, в самой Великобритании нужно было убедить в её необходимости значительную часть как господствующего класса, так и истеблишмента. И здесь необходимо сделать оговорку о том, кого я всё время имею в виду, говоря о реализации 25-летнего плана Великобритании по разгрому Германии и России путём стравливания их между собой и провоцирования в них в условиях войны общественных и политических беспорядков. Речь идёт далеко не только об официальных структурах, а в большей степени об иных, закрытых.

Столкнувшись с серьёзными экономическими (экономическая рецессия 1873–1896 годов, конкуренция со стороны США и Германии) и геополитическими трудностями (конкуренция со стороны Германии и России), а также с утратой после 1871 года контроля над немецкими масонскими ложами, британцы были вынуждены перестраивать и модернизировать весь скрытый (“второй”) контур власти. Ситуация потребовала появления нового типа закрытых структур мирового стратегического действия, и они были созданы. Одной из таких структур стало общество неброским названием “Мы” (“We”) или “Группа” (“The Group”). После смерти её организатора, тесно связанного с Ротшильдами, Сесила Родса это общество возглавил Альфред Милнер. Из “Группы” выросла уже его собственная структура – “Круглый

стол” (“Round Table”). Новые структуры, во-первых, активно включились в решение германско-русского вопроса; во-вторых, стали обрастать гражданами и подданными других государств, прежде всего, из высших политических, дипломатических, экономических и интеллектуальных кругов Франции и России. Кто-то знал о своей принадлежности к британским закрытым структурам, но большую часть агентуры влияния использовали вслепую.

С самого начала общество Родса (а затем Милнера) взяло курс на англо-американское сближение. В результате в начале XX века в США появился пробританский и антироссийски настроенный президент Теодор Рузвельт. “Группа” и “Круглый стол”, в которые входили влиятельнейшие британские политики, разведчики и журналисты, стали тем глобальным “геополитическим спецназом”, который потащил Европу к русско-германской войне под маской войны Антанты против Германии и её союзников.

В 1907–1908 годах для войны всё было готово – почти всё. Нужны были деньги, а для этого мало было контроля над финансами Великобритании и ряда европейских стран, необходим был контроль над финансами США. В решении этой задачи были заинтересованы не только британский капитал (Сити) и Виндзоры, но и наднациональные англо-американские структуры мирового согласования и управления. Иными словами, Альбион как государство был не единственным субъектом, который работал на войну. Он был главным **международным** субъектом в этом плане. Однако рядом возник и сформировался **мировой** субъект, англо-американский, финансово-политический по своему содержанию. Между двумя субъектами существовали тесные связи.

Вообще нужно сказать, что именно на противостоянии России ещё в 1820-е годы сформировался западный трёхглавый монстр “Великобритания – финансовый капитал (тогда это были почти единственным образом Ротшильды) – закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления (тогда это были масонские ложи)”. Со временем наполнение “голов” менялось (к Ротшильдам добавлялись другие семьи, Британию сменила Америка, масонские ложи – структуры более современного типа), но “монстр” оставался прежним, и его главным не противником даже, а врагом была Россия, как бы она ни называлась.

По сути, “монстр”, объединявший Великобританию и определённые сегменты англо-американского финансово-политического истеблишмента (что не исключало конфликтов между этими сегментами), выражал целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса, его англосаксонского ядра. В 1913 году “властелины капиталистических колец” поставили перед собой следующие задачи:

1) установить контроль над оставшимися на конец XIX века вне зоны их досягаемости мировыми ресурсами – юг Африки, Россия (по иронии истории, и в конце XX века судьба Южной Африки оказалась связанной с Россией: её завалили одновременно с СССР – де-факто в 1991 году. Запад убирал индустриальных конкурентов, судьба чёрной Южной Африки чем-то похожа на РФ, особенно времён ельцинщины: деиндустриализация, социальная деградация, криминализация);

2) устранить евразийские империи – Германию, Россию, Австро-Венгрию, Османов. Объективно, в силу самого факта своего существования империи препятствовали реализации целей мирового капиталистического класса с его (прото)глобалистскими принципами: глобалистский и имперский принципы несовместимы: “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...” (И. А. Крылов);

3) уничтожить Россию и особенно Германию как потенциальных континентальных конкурентов Великобритании – пунктов прописки и портов приписки мировых высоких финансов;

4) уничтожить Германию как военно-политический каркас немецких масонских лож и парамасонских структур, бросивших вызов британским наднациональным структурам управления и согласования;

5) создать на месте разрушенных евразийских империй единое европейское политическое образование – “Венецию размером с Европу” – и что-то вроде мирового органа власти банкиров (первая попытка создания подобных структур – Лига Наций);

6) взять под полный контроль мировые финансы; для этого необходимо было установление контроля над финансами США группой британских и аме-

риканских финансовых воротил; внутри этой задачи британцы стремились решить ещё одну, Родс сформулировал её так: “Возврат Соединённых Штатов Америки как составной части Британской империи”;

7) организовать евразийскую, как минимум, войну в качестве лучшего средства решения одним ударом всех перечисленных выше задач.

В 1913 году была создана Федеральная резервная система (ФРС) — храм мирового финансового капитала, адекватный задачам англо-американских криптополитических кругов. Развязывание войны финансово нужно было в системе именно такого типа, однако после создания ФРС уже её владельцам просто необходима была война: они знали, что государства будут вынуждены брать займы у ФРС, а деньги должны работать.

Война и революция были определены не только в качестве основы источника дохода (экономика), но и как средство разрушения континентальных евразийских империй (геополитика). Собственно, план разрушения этих империй и установления контроля над их ресурсами, прежде всего, над русскими, возникший в Великобритании в 1880-е годы, не особо скрывался. Так, в конце XIX века в британской газете *Truth* — “Правда” — был опубликован памфлет “Сон кайзера”. Снится Вильгельму, что в результате войны Германия и Австро-Венгрия потерпели поражение, на их месте на новой карте Европы — мелкие республики, созданные по национальному принципу. Интересно, что на месте России — политическая пустыня (что означает намёк на установление прямого контроля над территорией). И в значительной степени план этот был реализован. К нему приступили уже в конце 1913 года, а в начале 1914 года информация стала просачиваться. Так, лидер эсеров В. Чернов вспоминает, что, выступая в феврале 1914 года во Французском географическом обществе в Париже, Йозеф Пилсудский (будущий диктатор Польши, а тогда ещё социалист) заявил: вскоре в Европе начнётся война, в результате которой будут уничтожены Германия, Австро-Венгрия и Россия.

Заговорщики и поджигатели

“Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков”.

И. Сталин
“Я дров нарубил, я сена натащил, и жжёт я все ящики с чёрными бомбами, с белыми снарядами да с жёлтыми патронами. То-то сейчас грохнет!”

Аркадий Гайдар

В начале 1914 года “хозяева мировой игры” приступили к финальной части организации войны. Атака должна была развиваться по нескольким направлениям:

— интенсификация натравливания России на Германию и Австро-Венгрию с активным использованием Балкан в качестве зоны создания будущего *casus belli*;

— провоцирование Германии на военный конфликт, чтобы впоследствии всю вину можно было бы свалить на немцев, рассчитавшись с ними за “вероломство” начала 1870-х годов, — так британцы воспринимали выход из-под их контроля немецких лож с последующим объединением их в единую национальную *Geheimes Deutschland*;

— создание у немцев впечатления о полном нейтралитете Великобритании в случае военного конфликта “фланговых” держав (Россия, Франция) с “центральными” (Германия, Австро-Венгрия), то есть заманивание Германии в британскую ловушку;

— активная работа на Балканах по созданию там ловушки для всех континентальных держав, прежде всего, для российской и двух немецких империй, то есть работа на осуществление предсказания Бисмарка о том, что если

в Европе вспыхнет новая война, то это произойдёт из-за какой-то глупости на Балканах. Речь, таким образом, шла о подготовке этой глупости, причём так, чтобы она и выглядела глупостью, случайностью, в которой можно было бы обвинить кого угодно, только не британцев.

Решая все эти проблемы, “Группа” и её союзники расширяли свою сеть в Европе, активно включая в нее российских дипломатов – бывшего министра иностранных дел, ставшего послом во Франции А. П. Извольского и посла в Сербии Н. Г. Хартвига; были установлены контакты с новым министром иностранных дел Российской империи С. Д. Сазоновым. Трудно сказать, до конца ли последний понимал все детали игры, но суть игры и то, что его “играют”, он не понимать не мог.

Кстати, именно А. П. Извольский и Н. Г. Хартвиг создали Балканскую лигу, объективно направленную против союзников Германии – Австро-Венгрии и Османской империи. В 1912 году британская верхушка дважды посредством двух балканских войн пыталась спровоцировать Вильгельма II на войну, но неудачно. Британские и русские агенты “Группы” продолжали стараться. Н. Г. Хартвиг, посол России в Сербии, по сути контролировал правительство Н. Пашича, был тесно связан с полковником Д. Дмитриевичем (Аписом) – руководителем полумасонской-полутеррористической организации сербских националистов “Чёрная рука”, участником убийства короля Александра в 1903 году и (по официальной версии) одного из организаторов убийства Франца-Фердинанда в 1914-м. В то же время Дмитриевич имел контакты с британской разведкой.

28 июня 1914 года член “Чёрной руки” Гаврило Принцип убивает сторонника мира с Россией австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. 12 июля тяжелейшую (планировалось – смертельную) рану от удара ножом получает Распутин. Позже он скажет, что если бы был не в больнице (там он оставался до 17 августа), а при дворе, “папа” (так он называл Николая II) не стал бы воевать, поскольку он, Распутин, сумел бы убедить его. 31 июля (ещё одно “совпадение”!) в Париже будет убит влиятельный противник войны социалист Жорес. “Зачищали” всех, кто так или иначе мог встать на пути войны, ну, а Франц-Фердинанд – это ещё и *casus belli*. Британцы были уверены в победе тем или иным способом, ведь помимо войны, у них в рукаве был припрятан ещё один козырь – революция (политическая или социальная – как получится), причём применить это средство они готовились не только в Германии, но и в России.

Попытка Гаврилы Принципа покончить с собой сразу же после убийства эрцгерцога не удалась: цианистый калий не сработал. Так и должно было быть – убийца-серб был необходим для дачи показаний, для следствия, для суда, то есть для разжигания конфликта. Ну, а после того, как мавр сделал своё дело, он мог и умереть: Принцип умер в 1918 году от туберкулёза в тюрьме. Хартвиг скоропостижно скончался в том же 1914 году в австро-венгерском посольстве в Белграде (*sic!*); Аписа расстреляли в 1917-м; в 1917 же году таинственно исчезла переписка Хартвига с Сазоновым. Ну, а в 1919 году, как только принялся за мемуары, внезапно скончался Извольский. Мёртвые молчат (впрочем, не всегда).

Сразу же после выстрела в Сараево британцы, главным образом, члены “Группы” и их союзники, начали манипулятивную игру в Вене и Петербурге. Британские политики и пресса – внимание! – однозначно выступили на стороне Австро-Венгрии, поддержали её претензии к Сербии и осудили сербов. У австро-венгров создавали впечатление, что европейское общественное мнение или, как сейчас говорят, “мнение международного сообщества” на их стороне. Более того, британская пресса квалифицировала убийство как акт агрессии со стороны Сербии, на который Австро-Венгрия просто обязана ответить. Центром важнейших политических решений для Европы становился в этой ситуации Петербург, точнее, британцы умело переместили его туда.

Задачей агентуры “Группы”, которым в России активно помогали посол Франции Ж. М. Палеолог и посол Великобритании Д. У. Бьюкенен, было обеспечить жёсткую позицию Петербурга по отношению к Вене. Все робкие попытки Сазонова смягчить ситуацию – он понимал, что России война не нужна, более того, она для неё опасна! – пресекались этой “бригадой”. А царь вёл себя по обыкновению вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль “рока” исполняли “Группа” и её агентура.

Манипулировать Россией нужно было для того, чтобы спровоцировать на агрессивные действия Германию: “Группа”, Э. Грей (министр иностранных дел Великобритании, член “Группы”), Бьюкенен и К° прекрасно понимали, что в самой Великобритании мало кто хочет войны и что военные настроения не возникнут до тех пор, пока Германия не проявит агрессию по отношению к России и Франции. В свою очередь, это проявление зависело от позиции Великобритании. Если бы та заявила о своей солидарности с “фланговыми” державами, кайзер ни в коем случае не стал бы рисковать, никакой войны бы не было и многолетние усилия поджигателей и заговорщиков пошли бы прахом. Поэтому “Группа”, Эдуард VII и Грей сделали всё, чтобы убедить Вильгельма в британском нейтралитете; Грей постоянно говорил о возможном конфликте только как о “конфликте четырёх”, автоматически исключая Великобританию из числа его возможных участников; британские журналисты и парламентарии писали и говорили (многие вполне искренне) о Германии и Австро-Венгрии в спокойном тоне, убаюкивая тем самым немцев. Кстати, Г. Уэллс в “Автобиографии” признал, что Э. Грей начал (!) войну, позволив кайзеру и правительству Германии поверить в то, что Британия не вступит в неё даже в том случае, если Германия её начнёт. И простаки-фрицы поверили! По-видимому, не на высоте оказалась и немецкая разведка, пропустившая важный знак: по признанию лорда Луиса Маунтбеттена, его отец, второй лорд Адмиралтейства, привёл британский флот в боевую готовность за неделю до начала войны, о чём сообщил королю.

“Группе” и их “клубным” союзникам удалось дезинформировать многих британских парламентариев по вопросу о том, как реально развивается ситуация в Европе и насколько она взрывоопасна. Между тем, к 25 июля 1914 года Грей уже знал, что Россия готовится к войне, поскольку действия Австро-Венгрии и их умелая интерпретация агентурой “Группы” сделали своё дело: 26 июля, реагируя на частичную мобилизацию Австро-Венгрии (в ответ на сербскую мобилизацию), царь отдал приказ о частичной мобилизации русской армии. Несмотря на это, убаюканный британцами (как же, они ведь сохраняют нейтралитет!) кайзер был уверен, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией не выйдет за локальные рамки и не станет серьёзным. Но британцы кашу заварили вполне серьёзно, и Вильгельм уже оказался в ловушке, причём он даже не понимал, до какой степени.

Многие члены кабинета министров Великобритании и парламентарии, если не большинство, были против войны, и “Группа” должна была обойти, переиграть их, навязать свою волю. Здесь-то и проявилось преимущество небольших, хорошо организованных и действующих тайно, практически в режиме заговора групп, контролирующих власть, информацию и собственность, над так называемыми “политиками” открытого контура – последних в такой ситуации иначе как “лохами” назвать нельзя.

Не только не имея разрешения, но и не поставив кабинет в известность, Черчилль начал мобилизацию флота; премьер-министр Асквит отправил Холдейна в военное министерство для мобилизации армии, а Грей заверил Поля Камбона, что Великобритания защитит Францию от агрессии. 3 августа 1914 года Грей выступил в палате общин с абсолютно лживой речью о том, что министерство иностранных дел сделало всё, чтобы сохранить мир. Несмотря на то, что члены палаты поддержали воинственные заявления Грея, они всё же заявили о необходимости дебатов. Асквит попытался резко одёрнуть их, однако решение о необходимости дебатов по речи Грея всё же было принято. “Групповикам” нужно было срочно спасти ситуацию, поскольку дебаты могли развернуться не в их пользу. Решающую роль сыграл Э. Грей. Сразу после перерыва он спешно покинул парламент и отправил жёсткий ультиматум Германии, зная то, чего не знали парламентарии: что немецкое вторжение в Бельгию в ответ на действия Франции уже началось и никакие ультиматумы его не остановят. Однако ультиматум нужен был для предъявления парламентариям, то есть в качестве парализующего ум и волю психоудара.

Когда после перерыва палата общин собралась для дебатов, против сторонников мира выступил член “Группы” А. Бальфур. Он заявил, что для дебатов не хватает кворума, а сами они произведут плохое впечатление на публику, и парламентарии скисли. Вопрос о войне был решён, и 4 августа Георг V в Букингемском дворце объявил войну Германии. Это стало неожиданностью и ударом для Вильгельма, своеобразной “чёрной меткой”: *“Дело сделано,*

Вилли”. Только вместо стивенсоновского Слепого Пью сработали деятели из “Группы”, тоже весьма неравнодушные к сокровищам. Теперь Вильгельм мог сколько угодно топтать ногами в ярости, изрыгать проклятья в адрес “подлых торгашей”: ловушка захлопнулась, Германия оказалась в состоянии войны на два фронта с тремя ведущими европейскими державами.

Занимаясь европейскими делами и будучи уверенными в лояльности США, и британский истеблишмент, и “Группа”, похоже, несколько выпустили из виду некоторые процессы в этой стране. А там далеко не все крупные капиталисты и компании готовы были играть вместе с британцами, далеко не все были в восторге от идеи “англо-американского истеблишмента”. Иными словами, у государства США и части американского капитала были свои интересы и свои планы относительно России и Германии. Эти интересы и планы не просто не совпадали с британскими, но противоречили им, вступали в конфликт, подрывая (на тот момент) идею англо-американского истеблишмента. Во многом это было связано с нефтью, и эта линия тоже прочерчивается к России, к русским революциям 1905-го и 1917 годов.

В 1870 году была зарегистрирована как корпорация компания Рокфеллера (получившего финансовую поддержку от Ротшильдов через Я. Шиффа – того самого, который будет финансировать антиправительственную деятельность в России в начале XX века) Standard Oil of Ohio (далее – Стандарт Ойл или СО). Всего через 30 лет, к концу XIX века, как верно отмечает Ю. Т. Трифанков, семья Рокфеллеров получила контроль над большинством нефтяных промыслов мира. Однако монополии не получилось: в России было открыто огромное Бакинское месторождение нефти, и уже в конце XIX века Россия пригласила братьев Нобелей и семью Ротшильдов помочь в разработке нефтяных богатств Каспия и Грозного. К 1900 году нефть из этих регионов составляла половину производимой в мире нефти. Началась конкуренция, и к 1890 году треть российской нефти делили между собой Ротшильды и Рокфеллеры. Из 214 млн долларов, вложенных в нефтяную промышленность России до 1914 года, 130 млн принадлежало иностранцам.

Соперничающие наднациональные (протоглобальные) кланы старались использовать местные, российские силы в своей борьбе, причём как местную власть, так и революционеров. Так, в 1905 году Рокфеллеры через “Кун энд Лееб” финансировали Л. Д. Троцкого (Троцкий и вернётся в Россию в 1917 году на деньги Рокфеллеров). Рокфеллеры через посредников передавали деньги бакинским рабочим организациям (в частности, группе И. Т. Фиолетова, куда какое-то время входил Сталин) на организацию забастовок “во владениях” Нобелей, тесно связанных с Ротшильдами.

Главным противником Рокфеллеров в Европе была Royal Dutch Company, за которой стояли британские и голландские круги. Революция и гражданская война в России была выгодна прежде всего СО – это убирало её конкурентов. Есть сведения, что Рокфеллеры через ложу “Великий Восток народов России” передали Керенскому и Временному правительству около 50 млн долларов*, чтобы удобнее было договариваться. Иными словами, как минимум с 1911 года (начало открытого соперничества Рокфеллеров и Ротшильдов в России, на Ближнем Востоке и в Мексике) у хозяев СО была прямая заинтересованность в политических потрясениях в России, способных убрать российскую нефть с рынка. *Cui bono? Cui prodest?* – “Кому хорошо? Кому выгодно?” – спрашивали римляне.

В преддверии войны, или Неуслышанные “Кассандры”

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.*

Ю. Энтин

Машина, толкавшая мир к войне, уже работала на полную мощь, она не могла дать задний ход, слишком многое было поставлено на карту: огромные капиталы, судьбы целых империй, власть, новое мироустройство без

---

* Трифанков Ю. Т. Капитал, война, революция и Россия. Борьба за мировое господство в первой половине XX века. Брянск, 2013. С. 88.

Германии и России, отвечавшее интересам, в первую очередь, британского и американского капитала. В этой ситуации России было трудно избежать вовлечения в войну, особенно если учесть её задолженность британскому и французскому капиталу, представленному в основном еврейскими банкирскими домами. Впрочем, царь не очень и стремился избежать войны, о ней, как о деле почти решённом, он говорил ещё в начале 1914 года. Степени катастрофичности последствий войны для Российской империи он, по-видимому, не представлял и на предупреждения не обращал внимания. А предупреждения были и, как оказалось, абсолютно верные. Речь идёт о записке П. Н. Дурново и размышлениях В. К. Плеве.

В феврале 1914 года П. Н. Дурново направил царю “Записку”, в которой писал о необходимости создания континентального блока против англосаксов как фактора стабильности в Европе и о гибельности для России и династии участия в войне, тем более на стороне Великобритании. Война, по его мнению, не могла не привести к социальным потрясениям. “Особенно благоприятную почву для социальных потрясений, — писал Дурново, — представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землёю, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозвратно допустить агитацию в этом направлении, Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в прискорбный период смуты 1905–1906 годов... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, — будем надеяться, частичные, — неизбежными окажутся и те или другие недочёты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества всё будет поставлено в вину правительству”.

Ну, а дальше — революция.

Двенадцатью годами раньше Дурново, то есть в 1902 году, поразительный по точности прогноз в споре с С. Ю. Витте дал министр внутренних дел В. К. Плеве. Он писал: “Революция у нас будет искусственной, необдуманно сделанной так называемыми образованными классами, общественными элементами. У них цель одна: свергнуть правительство, чтобы самим сесть на его место, хотя бы только в виде конституционного правительства. У царского правительства, что ни говори, есть опытность, традиции, привычка управлять. Заметьте, что все наши самые полезные, самые либеральные реформы сделаны исключительно правительственной властью, по её почину, обычно даже при несочувствии общества... из лиц, из общественных элементов, которые заменят нынешнее правительство — что будет? — одно лишь желание власти, хотя бы даже одушевлённое, с их точки зрения, любовью к родине. Они никогда не смогут овладеть движением. Им не усидеть на местах уже по одному тому, что они выдали так много векселей, что им придётся платить по ним и сразу идти на уступки. Они, встав во главе, очутятся силою вещей в хвосте движения. При этих условиях они свалятся со своим теориями и утопиями при первой же осаде власти. И вот тогда выйдут из подполья все вредные преступные элементы, жаждущие гибели и разложения России, с евреями во главе”*

Последний тезис Плеве подтвердил после революции не кто иной, как В. И. Ленин, который писал: «Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции»; т.е. речь идёт о том, что Е. Киржниц в работе «Еврейский рабочий» (1926 г.) охарактеризовал просто: «...нам удалось овладеть государственным аппаратом». Иными словами, прогноз Плеве полностью сбился. Кроме того, Плеве, во-первых, очень чётко

* Цит. по: Пыжиков А. Питер — Москва: схватка за Россию. М., “Олимп”, 2014. С. 125-126.

определил характер революции, которую сотворят “образованные классы” (“цитатная интеллигенция”, как называл их И. Солоневич), как искусственный. Во-вторых, он абсолютно верно предсказал тот факт, что эти “революционеры” не удержат власть и что стихия их сметёт. Так и вышло. Россия вступила в войну и двинулась к тому, что предрекали Плеве и Дурново, – к революции.

Если Плеве и Дурново предсказывали ситуацию внутри страны, то замечательный русский геополитик А. Е. Едрихин (Вандам), соглашаясь с М. О. Меньшиковым по поводу кустарности внутренней политики, фиксировал то же (кстати, как и Н. Е. Врангель) во внешней политике – отсутствие стратегии. С учётом этого в 1912–1913 гг. он предсказал то, как англосаксы в ближайшие годы будут загонять Россию в угол: “Простая справедливость, – писал А. Е. Едрихин, – требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чём наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т. е. политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих* (подч. мной. – **А. Ф.**)

Плеве, Дурново, Едрихин и другие оказались не то кассандрами своего времени, не то “гостями из будущего”, которым не поверили и которым словно пришлось заклинать, чтобы “прекрасное далёко” не было жестоко – к ним, к России. Заклинания не помогли. “Далёко” оказалось вовсе не прекрасным, в том числе и потому, что к заклинателям не прислушались.

(Окончание следует)

---

* Вандам А. Е. Наше положение // Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 43–44.